

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ «ТОМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» В ПЕРИОД РЕДАКТОРСТВА Е.В. КОРША (1882–1883): ПРЕВАННЫЙ ПОЛЕТ

Вопреки сложившейся в историографии сибирской печати трактовке истории «Томских губернских ведомостей» после участия в ней Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в 1864–1865 гг. как угасания и упадка в статье рассматривается период редакторства неофициальной части газеты Е.В. Корша в 1882–1883 гг. как новый качественный этап в ее развитии. В условиях появления частных изданий обновленная неофициальная часть сумела усилить свою коммерческую составляющую и занять определенный сектор в системе сибирской печати. Одной из основных причин прекращения отдельного выпуска неофициальной части «Томских губернских ведомостей» называется позиция редактора и издателя «Восточного обозрения» Н.М. Ядринцева.

Ключевые слова: периодическая печать Сибири; «Томские губернские ведомости»; Е.В. Корш.

С середины 70-х гг. XIX в. «Томские губернские ведомости», как и другие официальные газеты Сибири, оказались в новых условиях – они утратили свой монопольный характер; частная пресса, первые органы которой в Восточной Сибири были недолговечны, стала активно развиваться, приобретая общероссийское звучание, сосредоточивая в себе лучшие литературные и журналистские силы края. С 1873 г. в Иркутске стала издаваться газета «Сибирь», перешедшая в 1875 г. под редакцию В.И. Вагина и М.В. Загоскина (выходила до 1887 г.). В 1881 г. П.И. Макушиным и А.В. Адриановым в сотрудничестве с ссыльными народниками была организована «Сибирская газета» (существовала до 1888 г.). В 1882 г. Н.М. Ядринцев основал в Петербурге первую бесцензурную газету «Восточное обозрение» (в 1888 г. перенесена в Иркутск). Не вдаваясь в вопрос об идейно-политической окраске этих изданий, в которых тесно переплетались либеральные, социалистические и областнические взгляды, подчеркнем их общий оппозиционный, «обличительный» характер по отношению к существующим социальным порядкам и местной администрации. Частная пресса в Сибири, как и в России, приобретала облик параллельного официальной власти центра общественной силы, представляющей и направляющей народные интересы в соответствии со своими мировоззренческими установками и политическими задачами.

«Дружный триумvirат» [1. № 7. С. 31], сосредоточенный на разработке местных вопросов в яркой и критической форме, оттеснял губернские ведомости на второй план. В 1880 г. новый томский губернатор В.И. Мерцалов озаботился состоянием томской типографии и ведением неофициальной части губернских ведомостей. Ее страницы стали использоваться для обращения к жителям («От начальника Томской губернии») и для разъяснений по поводу критики в центральных газетах («Письмо в редакцию»). Появилась новая рубрика «Сведения из газет», но формировалась и велась она бессистемно, не намного изменив содержание газеты. В условиях, когда организовывалось многотрудное дело строительства университета, которое необходимо было исполнить, минуя «половинщиков казны» [2. № 4–6. С. 22; № 7–9. С. 60] и, безусловно, не минуя критических стрел со стороны других его участников, необходимо было продолжить усиление позиций регионального официального печатного органа. Позже из 8 пунктов обвинений, предъявленных Мерцалову департаментом полиции, губернатор согласился только с одним – с тем, что он допустил уголов-

ного (не политического) ссыльного заведовать неофициальной частью газеты [2. № 4–6. С. 18–19, 27]. Евгений Валентинович Корш (1852–1913) – присяжный поверенный, с университетским образованием, оказавшийся в Сибири за подлог и подделку векселей, воспринимался Мерцаловым как «опытная рабочая сила», при помощи которой возможно было привлечь частных подписчиков, поднять тираж ведомостей и использовать их для сообщения населению «правильных» взглядов и сведений «в противовес тем инсинуациям и превратным толкам о сибирских порядках, какие постоянно печатались в маленьких газетах обеих столиц» [2. № 4–6. С. 27].

В оценке деятельности Е.В. Корша как журналиста и редактора до сих пор довлеет авторитетное мнение Н.М. Ядринцева, который практически в каждой из своих публикаций, посвященных сибирской прессе, не забывал определить «физиономию» и классифицировать деятельность своего конкурента, подчеркивая собственное лидерство в газетном деле: «...сибирские города наводнены ловкими людьми из ссыльных шулеров, червонных валетов, бывших адвокатов» [3. С. 12]; «“Ведомости” редактировались в это время каким-то сосланным за подлоги адвокатом Евг. Коршем, который заправлял губернской типографией и официальной газетой. В 1883 г. является попытка вступить в борьбу с местной частной печатью, но эта попытка является столь жалкой, что совершенно дискредитирует официальный орган и приводит к уничтожению всякой неофициальной части» [4. С. 370–371]. Позже Корш стал отвечать той же монетой в организованном им в 1885 г. «Сибирском вестнике», а в своих воспоминаниях не скупился на черную краску для составления портрета «сибирского величества» и «генерал-патриота», который, влекомый «оскорбленным самолюбием и затаенной злобой», развязал по отношению к нему «гнусную, беззастенчивую травлю» [1. № 5. С. 435, 439].

Надо сказать, что пуризма в газетном деле не наблюдалось с самых первых страниц истории сибирской печати – П.П. Сумароков, игравший главную роль в редакции «Иртыша, превращающегося в Иппокрену», был лишен дворянства и отправлен в Тобольск за подделку ассигнации. Не был подвергнут ostracismу сибирской общественностью и современник Ядринцева – В.А. Долгоруков, лишенный княжеского титула и сосланный в Сибирь за подлог в составе участников дела «червонных валетов». В 1899 г. Долгоруков организовал выпуск первого в Сибири иллюстрированного журнала – «Дорожник по Сибири и Азиатской России»,

в котором публиковались многие представители сибирской интеллигенции, в том числе и областнических взглядов (например, А.В. Адрианов) [5. С. 103].

После выхода Корша из состава редакции «Сибирской газеты» из-за конфликта с Ядринцевым Мерцалов предложил ему занять должность редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей», которую он стал подписывать в таком качестве с № 13 от 27 марта 1882 г. С № 14 от 10 апреля 1882 г. неофициальная часть стала выходить отдельно от официальной, с № 17 от 29 апреля 1882 г., не в конце недели (по пятницам с 1857 г. и по субботам с 1870 г.), а по четвергам. Если ранее вся газета не превышала 8 страниц, то теперь неофициальная часть печаталась на 16–24 страницах. После анонса содержания следовала одна или две большие публикации, посвященные Томску, Томской губернии или касавшиеся общесибирской проблематики. С № 23 от 10 июня 1882 г. первую статью стали предварять телеграммы «Томских губернских ведомостей» (затем телеграммы «Северного телеграфного агентства»). При этом читатели ведомостей, выходявших в четверг, могли знакомиться с последними известиями раньше – «Сибирская газета» выходила по воскресеньям. Далее следовали основные рубрики – «Сибирская хроника», «Известия из России», «Известия из-за границы», «Разные известия», «Справочные известия» и «Частные объявления». Две первые были сопоставимы по объему, в соответствии с мнением редактора неофициальной части о том, что Сибирь является частью России и не может жить только своей жизнью (это мнение позже станет программным заявлением «Сибирского вестника»).

«Сибирская хроника» соответствовала своему названию и пестрела сообщениями как о прошедших, так и будущих событиях жизни Томска, городов и сел ее губернии и других местностей Сибири. Широкий территориальный охват обеспечивался ссылками на «Сибирь», «Сибирскую газету», «Енисейские», «Семипалатинские» и «Акмолинские» ведомости. Выбирались статьи о Сибири и из центральных газет. Но основными источниками информации стали добровольные корреспонденты, число которых увеличивалось из номера в номер. География была самая широкая – Мариинск, Барнаул, Колывань, Павлодар, Тюмень, Владивосток, Салаирский рудник, с. Локтевское Бийского округа, с. Тальменское Барнаульского округа и т.д. Корреспонденции без указания авторства предварялись словами «нам пишут», «нас извещают», «нам сообщают».

Другим способом указания на сообщение с мест было приведение места и даты описываемых событий (например, «Из Парабельской волости Томского округа, 4 августа (Корреспонденция “Томских губернских ведомостей”)»). Между «Сибирской хроникой» и «Известиями из России» размещалась вторая большая публикация номера, посвященная, как правило, также местной проблематике. Здесь же, в подрубке «Новая книга» или «Книжные новости», поместилась сибирская библиография. Появилась и регулярная «Театральная хроника». Следующая по объему большая статья отделяла «Известия из России» от «Известий из-за границы» и рассказывала о каком-либо значимом общероссийском событии. Международная тематика бы-

ла представлена телеграммами «Северного телеграфного агентства». В раздел «Справочные известия» попали официальные отчеты, а «Частные объявления» занимали последнюю страницу.

Первые номера неофициальной части «Томских губернских ведомостей» не выходили без упоминания имени и трудов Н.М. Ядринцева. Сообщалось о вручении ему и Г.Н. Потанину медалей Русского географического общества (1882. № 13), о выступлении Ядринцева на заседании «сведущих людей» (1882. № 13), приводилась восторженная рецензия из «Правительственного вестника» на публикацию «Поездки по Сибири и Алтайскому горному округу» (1882. № 15). От лица редактора рекламировалось новое большое сочинение Ядринцева «Сибирь как колония» (1882. № 17). Пользовался Корш и ссылками на «Восточное обозрение». Возможно, это была определенная тактика, избранная, чтобы досадить «сибирскому величеству», но, скорее всего, у Корша еще не было такого неприятия к своему «идейному» конкуренту, которое он позднее накопил и выразил в воспоминаниях как ответ на все ядринцевские демарши.

С № 20 от 20 мая 1882 г. на страницах неофициальной части стала разворачиваться «кирпичная эпопея» по поводу обеспечения здания сибирского университета строительным материалом. Е.В. Корш обвинял «Восточное обозрение» в «извращении фактов» и заканчивал свою статью вопросом: «Достойно ли это уважающей себя и своих читателей газеты – пусть судит публика». Мягко называя утверждение столичной сибирской газеты (о том, что З.М. Цибульский и П.В. Михайлов «не поставили ни одного кирпича»), «неверными сведениями», редактор неофициальной части апеллировал к официальным документам – по журналу строительного комитета Цибульским и Михайловым было поставлено 1 млн 218 тыс. штук кирпича, и 1 млн 620 тыс. находились в производстве (1882. № 38). Впоследствии «Томские губернские ведомости» стали публиковать официальные сведения о наличных суммах и расходах строительного комитета (1882. № 47; 1883. № 17, 18, 21).

В освещении проблемных ситуаций в газете приводилась точка зрения местных властей, которая за счет печатного слова выносилась за внутренние пределы губернского управления. Например, тяжелому положению рабочих на золотых приисках, в котором либеральная печать винила прежде всего золотопромышленников, давалось более сбалансированное объяснение. Докладывавший на заседании томского губернского совета горный исправник признавал крайне необходимым установить фиксированные цены на товары в приисковых лавках, воспретить управляющим подвергать рабочих наказаниям по собственному произволу, ввести подробные записи условий контракта, но в то же время обращал внимание на то, что выданный заказ и последующий заработок рабочие употребляли на обогащение «спиртоносов», а затем бежали с прииска, не выполнив обязательств найма [6. № 29. С. 394–397].

Появление в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» критических заметок определялось «Восточным обозрением» как подражание обличительному тону частной прессы. Первоначально их

содержание не выходило за рамки уже высказанного официального мнения (например, о результатах ревизии начальника главного тюремного управления М.Н. Галкина-Врасского, 1882. № 15, 16) или касалось проблем повседневной жизни томичей (городское благоустройство (1881. № 19, 20, 25), необходимости гласной раздачи пособий погорельцам (1882. № 26)). Однако от номера к номеру росло число редакторских замечаний и статей, критическая направленность которых была результатом авторских наблюдений и затрагивала проблемы общественно-политической и экономической жизни Сибири.

Так, Корш писал о крайней необходимости перенесения на Сибирь положений судебной реформы 1864 г. [б. № 35. С. 584–586], статью о музее и библиотеке Н.М. Мартынова в Минусинске он заключал призывом «всячески содействовать развитию нового умственного центра» [б. № 42. С. 818], в заметке о томской городской думе обращался к избирателям отказаться от выбора гласных пропускающих заседания думы [б. № 31. С. 458]. В большой статье «Лесное и оброчное хозяйство в Западной Сибири» говорилось о малопродуктивности и недостатках организации лесной промышленности [б. № 38. С. 672–675].

С началом выборов в городскую думу в конце 1882 г. газета стала регулярно обращаться к теме местного самоуправления. «Восточное обозрение», подозревая «Томские губернские ведомости» в ангажированности, называли их «органом местных богатых промышленников», однако Корш пытался влиять на настроения избирателей не в пользу какой-либо кандидатуры, а с точки зрения общих юридических оснований, и критически относился к преобладанию в городском представительстве купечества. В статье «Городские выборы» Корш писал, что «нет предрассудка более вредного в выборном деле, как мысль, что нельзя обойти избранием человека почетного, занимающего известное положение в обществе». Раздражение Н.М. Ядринцева вызывало, скорее всего, то, что автором этих «разъяснений» был не сибиряк, а уголовный ссыльный, к тому же объединявший себя с томским обществом: «Городское самоуправление... еще очень молодо, но оно уже имеет свою историю – общую в целом государстве и местную у нас (курсив мой. – В.В.), в г. Томске» [б. № 43. С. 832].

Был отмечен в «Томских губернских ведомостях» и 300-летний юбилей присоединения Сибири к России. В отличие от областнической печати, которая делала упор на развитие автономных начал и роль местной интеллигенции в грядущих преобразованиях Сибири, Корш подчеркивал, что переход «от старого порядка вещей к новым формам русской государственной жизни» должно осуществлять центральное правительство, чтобы окончательно «слить Сибирь с Россией» [б. № 48. С. 984]. В практической реализации основных направлений этого слияния – переселенческом, судебном и вопросе о ссылке, первенство отдавалось не сибирскому обществу и местной печати, а министерству юстиции, совещанию «сведующих людей», земским собраниям и губернаторам европейских губерний, т.е. тем государственным учреждениям, в руках которых находились материальные средства и властные рычаги.

И опять Корш говорил от имени сибиряков – «внутренние силы нашей окраины», «природные богатства нашей страны», «нужды нашей страны признаны, постепенно удовлетворяются» [б. № 48. С. 982–984].

В № 39 от 30 сентября 1882 г. Корш выступил с программным заявлением о задачах обновленных ведомостей. Намереваясь сделать «Томские губернские ведомости» «полным и живым изданием», редактор подчеркивал, что у них есть своя информационная ниша и свой читатель – чиновники, которые как обязательные подписчики в дополнении к служебной информации будут знакомиться с мнением и результатами деятельности местных административных учреждений, а также с хроникой губернских, сибирских, общероссийских и мировых событий. Это, по мнению Корша, «увеличит привычку к чтению в той среде, куда частная печать проникает еще очень мало, а официальная посылается обязательно» [б. № 39. С. 702]. Запрет на полемические высказывания и ограничение характера публикуемой информации рамками факта выступали как сильные стороны ведомостей, поскольку придавали им серьезное и ответственное звучание. Можно сказать, что тем самым Корш предлагал издателю-редактору «Восточного обозрения» «мировую», своеобразный «пакт о ненападении» и разграничении сфер влияния на газетном рынке, однако он не был принят. Ядринцев пошел другим путем. Упоминания и ссылки на «Томские губернские ведомости» в «Восточном обозрении» в 1882–1885 гг. были преимущественно критическими (таблица).

Характер упоминаний о «Томских губернских ведомостях» в «Восточном обозрении» в 1882–1885 гг.

Год	Направленность		
	Нейтральная (информативная)	Критическая	Положительная
1882	3	12	2
1883	8	12	1
1884	3	4	1
1885	1	7	–

«Томские губернские ведомости» просматривались Ядринцевым очень внимательно, и из них, по большей части, выбирался материал, который мог послужить иллюстрацией недостатков системы местного управления и в критическо-ироническом ключе трактовать деятельность самих ведомостей. Сообщения «Сибирской хроники» «Томских губернских ведомостей» могли пересказываться в «Восточном обозрении» и подаваться как собственная корреспонденция. Сравните, например, заметки о выступлении в Томске антиспирита Сименса в «Томских губернских ведомостях» (№ 39. 30 сентября 1882 г. и № 41. 14 октября 1882 г.) и «корреспонденцию» в «Восточном обозрении» (№ 33. 11 ноября 1882 г.). В № 22 от 26 августа 1882 г. «Восточного обозрения» «корреспонденция» о бедственном положении прибывающих в Томск переселенцев была составлена на основе заметок, помещенных в № 24 (17 июня), 25 (24 июня), 28 (15 июля) неофициальной части «Томских губернских ведомостей». Сообщение о пожертвовании 500 книг членом казанской судебной палаты Орловым библиотеке сибирского университета, напечатанное в № 45 «Ведомостей» от 11 ноября

1882 г., было слово в слово воспроизведено без ссылки на источник в № 38 «Восточного обозрения» от 16 декабря. Корш, который не только получал от «Северного телеграфного агентства» столичные и заграничные известия, но и сам телеграфировал в Петербург из Томска о местных событиях, просил «Восточное обозрение» перепечатывать его телеграммы со ссылкой на источник, не ограничиваясь лишь фразой «Из Томска телеграфируют», или не использовать их вовсе, поскольку другие газеты уже перепечатывали сообщения из Томска как телеграммы «Восточного обозрения» под заголовком «“Восточному обозрению” телеграфируют» [7. № 27. С. 407].

Если далекое «Восточное обозрение» восприняло «Томские губернские ведомости» под редакцией Е.В. Корша неприязненно, хотя и пользовалось ее материалами, то «Сибирская газета», с чьими сотрудниками можно было встретиться на улицах и в общественных местах города, демонстрировала большую лояльность и выстраивала партнерские отношения. Для томского частного органа «Ведомости» были не мишенью для критики, а источником официальной информации. Главным образом, в рубриках «Хроника» и «Корреспонденции» встречаем следующее количество обращений к «Томским губернским ведомостям»: 2 (1881), 4 (1882), 21 (1883), 20 (1884). Обращает на себя внимание то, что уже после прекращения отдельного издания неофициальной части «Ведомостей» «Сибирская газета» находила в них полезную для себя и своих читателей информацию. Однако в большой статье «Задачи сибирской официальной печати» в рамках ядринцевской трактовки «Губернским ведомостям» уже отводилась роль публикатора статистических, этнографических, экономических и других сведений в рамках официальной программы («Само собой разумеется, что ведомости должны избегать всякого подражания частным органам печати» [8. № 11. С. 275–277]).

Выделение неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в самостоятельное издание с отдельной подпиской, наполнение ее корреспонденциями и авторскими статьями выходило за рамки программы официальной местной газеты, но судя по циркулярным предписаниям Главного управления, это было частым явлением. Причиной отстранения Корша от должности редактора неофициальной части стала непримиримая позиция Н.М. Ядринцева, который, находясь в Петербурге, через свои статьи в «Восточном обозрении», а возможно, и в устных высказываниях, обращал внимание министра внутренних дел Д.А. Толстого на то, что в Томске нарушается официальная программа ведомостей, а местный губернатор поставил во главе их уголовного ссыльного. В фельетоне «Новый способ распространения газет» [9. № 29. С. 13–15] в как можно более пренебрежительной и гротескной форме была изображена деятельность Мерцалова, пытавшегося создать из неофициальной части губернских ведомостей «нечто необыкновенное и далеко выходящее из скромной программы подобных органов». Слова из обращения губернатора к нижним чинам с просьбой содействовать к распространению газеты, которая могла бы «заменить» местному читателю дорогие столичные и провинциальные издания», расценивались Яд-

ринцевым как стремление «вытеснить (курсив мой. – В.В.) все органы печати из губернии» и в директивном порядке навязать подписку на неофициальную часть. Кроме такого передергивания не соответствовало действительности и утверждение, что в ведомостях «помещаются пока только перепечатки». Торговцы хомурами, лопатами и оглоблями – так очерчивал Ядринцев круг читателей «проворных ведомостей» в «пресловутой губернии».

Встреча Мерцалова с Толстым завершилась требованием, чтобы подпись Корша была снята с неофициальной части, и с № 5 от 3 февраля 1883 г. ее стал подписывать начальник газетного стола Н.Е. Васильев, хотя фактическим негласным редактором продолжал оставаться Корш. В то же время министр внутренних дел, подобно пушкинской Василисе Егоровне, разобравшись, кто виноват, наказал обоих: 27 октября 1882 г. газета Ядринцева получила предостережение. Первой из четырех статей, дискредитирующих, по мнению Толстого, сибирскую администрацию, значился фельетон «Новый способ распространения газет».

После того как Мерцалов вынужден был уйти в отставку, назначенный вместо него И.И. Красовский (несмотря на внушения, сделанные ему перед поездкой в Сибирь Ядринцевым) продолжал благоволить Коршу. Однако «Восточное обозрение» продолжало делать свое дело, и Толстой поручил губернатору вернуть издание «Томских губернских ведомостей» в прежние рамки. В своем предложении по Главному управлению по делам печати министр внутренних дел спрашивал: «На каком основании в неофициальной части “Томских губернских ведомостей” допускается печатание сообщений под рубриками: “мы слышали”, “нам сообщают”, “мы узнали” и т.п., критические заметки о новых книгах, не имеющих никакого отношения к Томской губернии, театральная хроника, статьи по местным вопросам, не получившим еще окончательного разрешения в установленном порядке, разные не всегда верные слухи о правительственных намерениях и предположениях, статьи о предметах, касающихся других губерний (например, большая статья о Минусинском местном музее) и т.д.» [1. № 6. С. 822]. Ответить на этот вопрос было нечего. С № 37 от 22 сентября 1883 г. неофициальная часть была вновь объединена с официальной.

Губернская типография «спешно приводилась в свой прежний убогий вид на радость единственной частной, отлично оборудованной типографии» [1. № 6. С. 822]. Действительно, доходы типографии от печатных работ сократились более чем на 2 тыс. руб. – с 6820 руб. 98 коп. в 1883 г. до 4775 руб. 50 коп. в 1884 г. [10. Л. 14–16, 30–31]. «Восточное обозрение» не без торжества заключало: «С № 37 в неофициальной части будут помещаться лишь телеграммы северного агентства и те из местных известий и других статей, которые губернское начальство признает удобными для “Губернских ведомостей”». Это ограничение, как нам известно, вызвано полностью бесполезностью помещаемого доселе материала, не принадлежащего ни к области официальной, ни к области частной журналистики, но окупавшегося весьма значительной тратой казенных денег. Канцелярская литература “Губернских ведомостей”, осмеянная со времени Гоголя, никого не удовле-

творяла. Задача эта явилась совершенно бесплодною при развитии частной журналистики в провинции. Поэтому настоящую меру нельзя не признать вполне целесообразной» [11. № 43. С. 4].

Подведем итоги. В период редакторства Е.В. Корша неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» вступила в новый этап своего развития как по форме, так и по содержанию. В отличие от предыдущих редакторов и авторов, Корш имел и реализовывал определенную концепцию газеты и стратегию ее дальнейшего развития, беря на себя ответственность перед читателями как подписчиками и губернатором как полностью доверившему ему составление контента неофициальной части. С поставленными задачами Корш, безусловно, справился. Номер приобрел новую устойчиво воспроизводимую структуру, его материалы были сбалансированно распределены между Сибирью и Европейской Россией с целью придания газете универсального характера. Материалы распределялись по самостоятельным рубрикам, дробящимся на отдельные озаглавленные статьи и мелкие сообщения. За счет этого повышались удобочитаемость и информационная насыщенность – в среднем номер содержал 35–40 публикаций на различные темы. Газета нашла живой отклик у читательской аудитории – широкий круг местных корреспондентов сообщал оперативную информацию из городов и деревень не только Томской, но и других сибирских местностей. Присылаемые заметки и письма на страницах неофициальной части могли вызывать дискуссию.

Продолжались печататься типичные для губернских ведомостей материалы – официальные отчеты, этнографические статьи, статистические сведения и развиваться прежние актуальные для Сибири темы – открытие новых учебных заведений, деятельность благотворительных учреждений, строительство университета, ссыльный и рабочий вопросы, судебная реформа, экономическое положение края. Появились новые сюжеты и рубрики – деятельность томской городской думы, переселение в Сибирь и на Дальний Восток, внутреннее положение Китая и русско-китайские отношения, театральная критика, подборка текущих хроникальных известий из жизни Томска и сибирских городов.

Основой для больших статей были прежде всего официальные документы и сообщения, собранный местными органами власти фактический материал, что усиливало значение газеты как местного правительственного издания. В отличие от «Сибирской газеты» и «Восточного обозрения» в газете Корша тема современного положения Сибири и будущих перспектив ее развития хотя и разрабатывалась в либеральном ключе, но не носила ярко выраженного проблемного, драматического характера. Не было, по понятным причинам, и столь любимых частными изданиями критических выпадов против местной администрации различных уровней. Высокие слова, которыми Корш заканчивал свои «Восемь лет в Сибири», говорят читателю его мемуаров о том, что «возрождение нравственного самосознания» для уголовно осужденного возможно только «переменою среды и свободным трудом, который представляется единственным верным путем к завоеванию общественного доверия и уважения в новой среде» [1. № 7. С. 57]. Особенно в той среде, хочется добавить, от

которой зависела положительная характеристика поведения сосланного.

Корш выполнял свою работу добросовестно и аккуратно, получая возможность занять себя знакомым и интересным ему делом, соответствующим его образованию и приносящим, к тому же, дополнительный заработок. Старательный подбор материала из местных и центральных газет, разбор и литературная обработка присылаемых писем, появление новых рубрик, личное присутствие на всех значимых для жизни города культурных и общественных мероприятиях и высказывание по их поводу личного же мнения выдавали хорошего журналиста и деятельного редактора, быстро и умело вошедшего в особенности местной проблематики, но вполне естественно, что Томскую губернию Корш, как и большинство ссыльных, воспринимал как вынужденное пристанище и жил надеждой скорейшего возвращения из «сибирского сиденья» [1. № 7. С. 56] в Петербург.

«Текущие известия общественной жизни Сибири» и «руководящие статьи по местным вопросам» – строки, которые самовольно были внесены Коршем в рекламное сообщение о программе издания, в силу фактического действия этой программы, неразделения автором идей «сибирского патриотизма», его стесненного положения как уголовного ссыльного понимались Коршем по-иному, чем в областнической прессе. В результате «невписывания» в это направление и личной неприязни к Коршу редактора «Восточного обозрения» сформировалась пренебрежительная оценка неофициальной части «Томских губернских ведомостей» периода 1882–1883 гг., не соответствующая тем изменениям, которые произошли с газетой, но прочно закрепившаяся в историографии сибирской печати.

Амбициозность двух неординарных личностей, увлеченных своим делом, но в разных направлениях, оживляла ситуацию на сибирском газетном рынке. Целью пикировки между двумя изданиями стало не только обсуждение действительной необходимости и путей строительства транссибирской магистрали, развития профессионального образования или вопросов городского благоустройства, но и привлечение читательской аудитории [12. С. 69–72].

«Восточное обозрение» и «Сибирская газета» взывали к борьбе, выносили на свои страницы образы «униженных и оскорбленных», мыслили масштабно и смело, а деятельность местной администрации воспринимали с точки зрения «презумпции виновности».

«Томские губернские ведомости» сосредотачивались на воспроизведении вереницы текущих фактов повседневности и делали акцент на возможных путях сотрудничества, объединения инициатив и усилий местного общества, городской думы и губернских властей. В ряду корреспонденций с мест и городских новостей преобладали те, которые составляли хозяйственный или бытовой интерес обывателей с различным уровнем образования и информационными запросами – когда вскрыется от льда река и следовательно начнется судоходство, ожидается ли повышение цен на хлеб и муку, каковы виды на урожай, как идет переоценка домов в городе, как будут раскладываться земские повинности и будет ли построено новое здание театра. Из

номера в номер чередой шли сообщения о пожарах, эпидемиях дифтерита, падеже скота, изменениях погоды, прибытии в Томск очередной партии ссыльных, неисправном состоянии городских тротуаров. Действительно, такой круг вопросов можно назвать «фонарной литературой» [13. С. 221], но он составлял историю провинциальной жизни и, потом, разве плохо, когда на улице регулярно зажигаются фонари и действует водопровод?

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба официальной томской газеты, если бы не ревнивое от-

ношение к ней и ее редактору отца сибирской областной печати, признававшего только за своим изданием право на «руководящие суждения». В конечном итоге проведенная Ядринцевым «зачистка» информационного пространства привела к появлению более серьезного конкурента – «Сибирского вестника политики, литературы и общественной жизни», полемика с которым «Восточного обозрения» составила отдельное направление журналистских сражений, но это уже другая история.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корш Е.В.* Восемь лет в Сибири // Исторический Вестник. СПб., 1910.
2. *Мерцалов В.И.* Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина. 1917.
3. *Ядринцев Н.М.* Прошлое и будущее сибирской печати // Восточное обозрение. СПб., 1885.
4. *Ядринцев Н.М.* Начало печати в Сибири // Сибирский сборник. Приложение к Восточному Обозрению за 1885 г. СПб., 1885.
5. *Скворцов Г.В.* Долгоруков Всеволод Алексеевич // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004.
6. *Томские губернские ведомости.* Часть неофициальная. Томск, 1882.
7. *Томские губернские ведомости.* Часть неофициальная. Томск, 1883.
8. *Сибирская газета.* Томск, 1884.
9. *Восточное обозрение.* СПб., 1882.
10. *Государственный архив Томской области.* Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118.
11. *Восточное обозрение.* СПб., 1883.
12. *Мандрика Ю.Л.* Провинциальная частная печать. Спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007.
13. *Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину.* Красноярск, 1918.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 августа 2010 г.